

ВИКТОРИЯ МАЛЬЦЕВА

Не стирайте нощелуи

1 книга

18+

Виктория Мальцева

Не стирайте поцелуи. Книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66602310

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-94016-1

Аннотация

Основная проблема Леи – она вечный «второй сорт». Это кого-то любят, по ком-то страдают, сходят с ума, а с ней – просто удобно.

У Лео свои сложности: после несчастного случая он не может стоять и ходить, но хуже всего боль в спине, настолько сильная, что, порой, вышибающая сознание. Но и это не самое страшное. Лео, похоже, однолюб. Отвергнутый.

Два одиночества познакомятся в сети, встретятся меньше чем через сутки и сразу начнут жить вместе. Всё не как у людей – ни любви, ни даже взаимного притяжения. Но парадокс в том, что уже через несколько месяцев эти двое не смогут существовать друг без друга. Правда, ровно до тех пор, пока на сцене не появится Карла – первая любовь Лео. Неприкаянная.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Неловкость (или начало не с того конца)	12
Глава 2. Авария или первые странности	18
Глава 3. Обитель	30
Глава 4. Предложение	37
Глава 5. Саванна	50
Глава 6. Интуиция	58
Глава 7. Первый приступ	64
Глава 8. Начало	69
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Виктория Мальцева

Не стирайте поцелуи. Книга 1

“Говорят, случайность происходит, когда Бог не хочет подписываться своим именем.”

Комментарий в YouTube

Take Hold Of Me – Ane Brun

Пролог

– Вы разыскиваете девушку?

– Да, – пауза. – Я ищу моего человека.

Телеведущий кивает, улыбаясь, и заглядывает в планшет.

– Мне сказали, именно «ИЩУ МОЕГО ЧЕЛОВЕКА» было написано на баннерах, растянутых в самых людных местах Большого Ванкувера.

Камера берёт крупным планом гостя телепередачи – это молодой парень.

– Господи, Боже... Ди! Ди, посмотри на это лицо!

Диана продолжает мыть посуду, но выворачивает шею так, чтобы ей был виден телевизор в столовой. Затем выключает воду и, не найдя полотенце для рук, приближается к экрану с мокрыми. С её пальцев на кремовый ковролин стекают капли и остатки пены моющего средства. Она только сделала ремонт в квартире, и каждая деталь отделки выбиралась с тщательностью, близкой к одержимости.

– Мать Божья...

– Даунтаун – 55 растяжек и 100 лайтбоксов, Западный Ванкувер – 23 растяжки и 124 лайтбокса, Северный Ванкувер, Дельта, Ричмонд, Бёрнаби, Сюррей, Кокуитлам, Порт Кокуитлам, Порт Муди, Лэнгли, Мэйпл Ридж... Чилливак... Ведущий отрывается от планшета, чтобы взглянуть

на гостя, и больше не улыбается.

– Помимо рекламы есть также и надписи на стенах. Вернее, рисунки с надписями почти на всех станциях скайтрейна. Муниципалитеты этих городов выписали на Ваше имя штрафы. Как много?

– Я не помню.

– Около полумиллиона долларов.

Диана и Саванна всегда бурно обсуждают героев любимого шоу, но сейчас обе молчат.

Парень не смотрит в камеру. Его взгляд почти всегда опущен на руки. Он то сжимает их в кулаки, то расправляет, разглядывая пальцы. Пару мгновений камера показывает их крупным планом, и зрителям видно, как они дрожат.

– Как давно Вы её ищете?

– Сто девяносто четыре дня.

– Эм... – говорит ведущий, – значит... больше полугода.

Диана опускается на диван и вытирает руки о собственную футболку.

– В моих... эм... материалах указано, что вы познакомились в сети. Это правда?

– Да.

– Расскажите, как это было?

Парень облизывает губы, в камеру так и не смотрит.

– Это было видео... песня с названием «Не стирайте поцелуи». В YouTube. В комментариях... я написал, что ищу девушку. Она ответила. Мы переписывались. Потом встре-

тились.

– В аэропорту?

Парень кивает. Ведущий откладывает планшет в сторону на стоящий перед ним белый глянцевый столик.

– Нам интересны детали. Поделитесь?

– В переписке она упомянула, что летит из Европы домой – в Канаду. Я просмотрел места и даты её публикаций в Инстаграм и предположил, что она живёт в Ванкувере. Дальше оставалось выяснить расписание самолётов и надеяться, что она летит одним из поздних рейсов. Я купил билет, прилетел в Ванкувер и стал ждать её у выхода в аэропорту.

– И она прилетела?

– Прилетела.

– Как Вы её узнали?

– Это она узнала меня.

Студийный диван, на котором расположился гость телепередачи, выглядит удобным, но поза молодого человека и то, как неловко он, время от времени, её меняет, словно говорят об обратном.

– Слушай, он странный какой-то, – замечает Саванна.

– Я думаю, он просто хороший актёр. Но сценарий у них сегодня оригинальный.

– А баннеры? Ванкуверцы наверняка их видели. Если это правда, об этом должно быть что-то в сети, – Саванна всегда докапывается до сути, и вообще, она самая серьёзная в их компании. – Тут полно фотографий, взгляни-ка! Есть даже

фото рисунков... Боже мой! А-а-а! Диана! Он рисовал! На стенах метрополитена... палатка, море, двое на плоту...

Она отрывает глаза от телефона и всматривается в экран телевизора.

– «Как ты»...

– Что? – переспрашивает Диана.

– Он спрашивал её о делах. В этих надписях на стенах везде *КАК ТЫ?* или *КАК У ТЕБЯ ДЕЛА?*

На экране появляется страница в YouTube. Зрителям дают увидеть название композиции «Don't delete the kisses», затем комментарии пользователей.

Виртуальный маркер выделяет два из них:

WTF_LEO: А я мечтаю о девушке.

LEA: Не мечтай. Просто найди меня.

– Он нашёл её! – восклицает Диана.

– Тогда нашёл. Найдёт ли теперь? – глухо комментирует Саванна, не отрываясь от телефона.

– Обалдеть! Они всё-таки приглашают реальных людей!

Эта история настоящая!

Парень, наконец, замечает происходящее на экране телевизора в студии, его глаза расширяются, лицо перекашивается.

– *Что вы сделали? Зачем?* – восклицает он и пытается подняться, но у него не сразу это получается.

– Господи, он наркоман что ли? Едва стоит на ногах! – замечает Саванна.

Диана прижимает руки к носу.

Молодой человек делает несколько решительных, но нестабильных шагов по направлению к выходу, камера следует за ним. Вскоре на его пути появляется сотрудник студии со стаканом воды в руках. Ведущий призывает гостя вернуться к беседе, дважды повторив “Вы ведь хотите её найти?!”.

– Вы известный блогер, – продолжает свой допрос ведущий. – У одного из Ваших аккаунтов в Инстаграм более трёх миллионов подписчиков, но это Ваше первое появление на публике, – продолжает он, как только герой передачи снова опускается на диван.

Студийный экран теперь показывает художественные фотографии мужского лица в неожиданных ракурсах и освещении. Зрители видят крупным планом радужку глаза, её сменяют приоткрытые губы, за ними фрагмент нависающей над объективом другой камеры пряди волос – она расщепляет солнечный свет на перламутровый спектр – человек в кадре тоже занят фотографированием. На последнем фото молодой парень лежит на постели лицом вниз, видны только его спина и затылок. Вдоль позвоночника отчётливо виден длинный шрам.

– Фотограф, продавший эту серию Vogue за десять тысяч долларов, пожелал оставаться анонимным и потребовал перевести гонорар на счёт одного из Ванкуверских хосписов. Мне известно, что эти фото наделали много шума и

были многократно перепроданы различным изданиям. Люди и таблоиды жаждали знать имя модели, однако их автор отказался от сотрудничества. Скажите, Вам известно, кто изображён на этих фотографиях?

Парень смотрит на экран широко распахнутыми глазами, в них удивление, граничащее с шоком. После некоторой паузы он отвечает:

– Я.

– От кого Вы прятались? – провоцирует ведущий, однако гость игнорирует вопрос.

– Бывают же такие лица... – вздыхает Диана.

– Почему мы никогда не видели его раньше? Кто он? Модель? Актёр? Певец? Для чего ему этот пиар?

– Это не пиар...

– Что Вы сделаете, когда найдёте её? – снова спрашивает ведущий.

– Выпущу обещание, которое не сдержал.

– Какое?

– Лея, ты куда? Хочешь прогуляться? Не выходи одна, я пойду с тобой! – кричит Саванна подруге.

Третья девушка из компании, не оборачиваясь, упирает руку в дверной косяк, пока натягивает сапоги. Через время отталкивается от косяка, сдирает с вешалки пальто и захлопывает за собой дверь.

– Вот что она творит? Не хватало ещё пневмонию в довершок ко всему, как будто мало ей... – Саванна надевает мехо-

вую шапку, затем пуховик, торопливо засовывает ноги в сапоги. – Интересно вот, а у нас в Торонто водятся такие? – спрашивает подругу, кивая на парня в экране телевизора.

– Даже если водятся, нам не попадутся. Штучный экземпляр. Возьми её шапку, вон на полке лежит.

– А ты заметила? Имя у его девушки, как у нашей, – кивает в сторону двери, – Лея.

– И что?

– Да ничего.

– Слушай, давай быстрее, там скользко. Ещё упадёт, не дай Бог.

Саванна застёгивает молнию на пуховике, подпрыгнув, выдёргивает с полки шапку подруги и исчезает за дверью.

Подумав, Диана снова распахивает дверь и кричит ей вдогонку:

– И долго не гуляйте! Со дня на день рожать...

– *Что между вами произошло?* – спрашивает ведущий.

Парень накрывает руками лицо.

Глава 1. Неловкость (или начало не с того конца)

Promise Not To Fall · Human Touch

Два года назад. Май

У кого-то большая грудь, у кого-то ум, у кого-то квартира. А у меня воображение. Ну очень богатое! В нём вырастают целые миры, и люди говорят вещи, которые мне никогда не услышать в настоящей жизни. Например, «ты моё последнее пристанище» или «ты, наконец, нашлась!». Ещё они раскидывают руки в стороны, чтобы показать мне, как сильно жаждут меня обнять. И поцелуи. В моих мечтах их всегда... много.

Да, я мечтаю. В последнее время слишком часто и слишком реалистично. Но никогда ещё до этого момента мои мечты не разбивались так трагически о реальность.

Его губы не мягкие и не горячие. Они не рады мне. Я понимаю это мгновенно... почти, однако – что очень свойственно моему характеру – сдаюсь не сразу и успеваю поцеловать его ещё раз. И если до этого он был хоть немного приоткрыт (от неожиданности?), то теперь захлопнулся полностью. Даже его колени под моей задницей стали ощутимо твёрже, напряжённее.

Мы познакомились в сети. Это был случай, стечение об-

стоятельств, две линии пересеклись в точке, где событиями управляют порывистость, непредсказуемость и... интуиция. Несколько случайных слов в триллиардах всех прочих сообщений, и ты неожиданно принимаешь решение написать в ответ, даже не подозревая, что это не послание – это зов, и предназначен он был только тебе. Ты услышала. И ты ответила.

Этот парень не просто повстречался на моём пути, он открыл для меня дверь в том месте, где не должно было быть продолжения. Он материализовал моё будущее. Но в момент нашей первой встречи ни один из нас, конечно, не мог и представить, что нас ждёт впереди.

Я отрываюсь от его лица, собираюсь с мыслями. Смотреть в глаза стыдно и нет сил, поэтому приходится изучать капли на толстом стекле аэропорта. Сейчас, чтобы встать, нужно на что-нибудь опереться хотя бы одной рукой, и мой мозг буквально рассыпается, пытаюсь решить – где находится это безопасное для меня и для него место? В моей жизни ещё ни разу не было человека в коляске... да и причин, почему он вынужден в ней быть – множество.

– Извини, – бормочу, неуклюже вцепившись в спинку его коляски, и поспешно сползаю с его колен.

Он совершает едва заметное движение головой – то ли кивок, то ли нет – и я понимаю – он сам растерян.

Неловкость... Мы не просто утонули в ней, мы увязли. С этого всё началось, из-за этого всё у нас и пошло... не так.

Но в тот момент, я вначале начинаю проклинать свою напористость, отсутствие такта... да и что уж там говорить – тормозов тоже. Затем, глядя на растянутый ворот его футболки, основание шеи – в том месте, где можно увидеть, как бьётся пульс – буквально физически ощущаю боль. Он словно ударил меня, наотмашь хлестнул по морде обнаглевшую псину, вздувавшую положить лапы на стол.

Этот день изменит меня до неузнаваемости. Я впервые пойму, что выработанный жизнью навык пробивать себе дорогу лбом придётся отложить, если хочу получить от жизни главное.

На нём бейсболка, надетая задом наперёд; волосы убраны назад и прижаты ею – их концы все собраны на затылке. Он дышит чаще, чем дышал бы взрослый парень его возраста... сколько он сказал? Двадцать три ему. И он, очевидно, отчаянно старается найти какие-нибудь слова для меня – девушки, с разбега влетевшей на его колени и поцеловавшей в момент самой первой встречи в физическом мире после совсем короткого знакомства в виртуальном.

Наше знакомство по переписке длилось двадцать часов. Почти сутки откровений, в течение которых мы успели поспориться и помириться. Я была уверена, он шутит, заявив, что найдёт меня без адреса, но именно это он и сделал.

Лео поднимает, наконец, на меня глаза.

– Я вызвал такси... ну, чтобы не ждать долго. Мне кажется, оно должно было уже... прибыть.

– Хорошо, – выдавливаю и возвращаюсь за своим чемоданом, брошенным в двадцати шагах, подбираю босоножки.

Лео ждёт меня у входа, его бейсболка уже надета как положено – козырьком вперёд и так низко, что издали мне совсем не видно его глаз. И только теперь я замечаю свисающий со спинки его коляски огромный чёрный рюкзак.

Я выхожу сквозь автоматические стеклянные двери на улицу первой, Лео за мной. У обочины, действительно уже мокнет под Ванкуверским дождём белое такси. Это большая машина – из разряда тех, в которых предусмотрено место для пассажира в инвалидной коляске. Водитель в тюрбане приветствует нас и предлагает мне спрятаться от дождя в салоне. Я мешкаю, потому что не знаю, нужна ли Лео помощь и должна ли я ему помогать. Видя всё это на моём лице, мудрый индус в почтенном возрасте спешит меня заверить:

– Ашиин обо всём позаботится! Ашиин всё сделает в лучшем виде!

И Ашиин действительно всё делает, хотя я не уверена насчёт «лучшего вида». Вместо багажника в этой машине оборудован выдвижной пандус и специальные ремни для фиксации человека в коляске. Теперь мне не только обидно и стыдно из-за несостоявшегося поцелуя, но и некомфортно из-за размещения пассажиров в этом автомобиле. Я думала, мне бы хотелось, чтобы Лео помогли выбраться и сесть на нормальное сидение.

Моя неловкость становится гуще, сложнее, непреодоли-

мее. Лео не показывает смущения, даже напротив – очень хорошо знает, что нужно делать – въезжает по пандусу в салон, закрепляет ремень в известных ему местах и протягивает конец Ашиину, тот замыкает его в центральном замке. Через мгновение мой чемодан ложится на пол рядом с Лео.

– Куда поедем? – спрашивает водитель такси.

Хороший вопрос. И мы с Лео смотрим друг на друга: да, мы не выяснили, куда нам ехать. Ко мне? Ну, можно, конечно, но... Вначале я воюю с мыслью о том, что Лео, по сути, абсолютно чужой мне человек, знакомый лишь по переписке, и та длилась всего ничего. Затем покорно склоняю голову перед фактом, что парень не просто нашёл меня, как обещал, но и прилетел в Ванкувер из далёкого Лос-Анжелеса.

– Вот адрес, – внезапно нарушает затянувшуюся паузу Лео и диктует водителю название и номер улицы.

Ашиин вносит адрес в своё навигационное устройство, попутно задавая нам с Лео вопросы о том, откуда мы родом и как надолго решили посетить Ванкувер. Я односложно вру, что проживаю в Зимбабве, а в Ванкувере пробуду сутки, Лео ничего не отвечает вообще, и Ашиин быстро соображает, что пассажиры попались неразговорчивые.

Я напряжённо размышляю о том, куда мы едем, и что, собственно, делаю в этой машине. Потом начинаю мучиться от желания рассмотреть Лео повнимательнее, но не решаюсь. Его фигура спрятана в тёмном фактически-багажнике, и чтобы её увидеть, мне нужно повернуть не только голову,

но и корпус.

– Вы не могли бы включить кондиционер? – обращаюсь к Ашиину и бросаю на Лео взгляд, якобы в поисках одобрения. – В машине душно...

– Мне нормально, но я не против, – сообщает Лео негромко.

Sufjan Stevens – All of Me Wants All Of You

Он одет в тёмную куртку поверх серой футболки, джинсы. Бейсболка не из дешёвых и очень ему идёт. На руке часы, на шее виден краешек довольно тонкой для мужской цепочки. Именно это место: его кожа на сгибе плеча и шеи, цепочка и каштановая прядь волос, нависающая полукольцом над ней, повергают меня в транс. Принятое до этого решение попросить таксиста остановиться у станции скайтрейна, чтобы высадить меня, становится не таким уверенным. В моей душе прорастают тонкие побеги незнакомого чувства... предопределённости.

Лео отрывается от оконного стекла и смотрит на меня. Я никогда ещё не видела настолько гипнотизирующей радужки, ясной и чёткой – карамель и осколки шоколада. Очень выразительные глаза и странные. Отталкивающие и притягивающие одновременно.

Глава 2. Авария или первые странности

Вначале в уши врзается грохот и скрежет металла, в грудь боль, и уже в следующее мгновение я осознаю смещение пространства. Сознание выключается, но скоро включается обратно – через долю секунды, словно сбоя и не было – оно только «моргнуло». И в новой реальности вначале гробовая тишина, затем несколько душераздирающих человеческих воплей, какофония звуков из сигналов машин, множества криков. Меня накрывает страх.

Я оборачиваюсь назад – Лео вроде бы цел, затем проверяю Ашиина – индус тоже. Первая же мысль – выбраться из машины. У меня так трясутся руки, что никак не могут справиться с замком ремня безопасности, и я начинаю паниковать, что его заклинило. Передо мной глухо, но жутковато стонет Ашиин, Лео не слышно, и я паникую ещё сильнее. Бросаю на него быстрый взгляд – он в сознании, но выглядит... очень странным. Ещё более странным, чем был до этого. И я замечаю кровь у него на лбу и брови.

– Лео! Ты в порядке? Лео! – кричу ему.

Наконец, замок отщёлкивается, и я практически выпрыгиваю наружу. Невзирая на тремор в руках и ногах, быстро осматриваю себя – похоже, ничего не сломано, по край-

ней мере, на первый взгляд. В этот момент – момент относительного успокоения – у меня градиентно, но прогрессивно, нарастает боль в груди. В доли секунды она становится настолько сильной, что кажется, я вот-вот задохнусь. И пока этого не произошло, думаю, нужно срочно вытаскивать Лео. Пятая дверь машины открывается без заминок, но, разбираясь с ремнями безопасности, я от души клянусь тех, кто придумал перевозить колясочников таким идиотским способом – в багажнике. При столкновении мой чемодан с такой силой ударился о сиденье, что его пластиковый корпус треснул сразу в нескольких местах. Если бы в нашу машину врезались сбоку, чемодан просто-напросто убил бы Лео. Но отстегнуть ремни – это только пол дела. Нужно ещё опустить пандус, а я не имею понятия, как это осуществить.

– Попроси его, – как-то очень глухо подсказывает мне Лео. Его голос словно осип и крошится, как свежий крекер.

Я несусь к водительскому сиденью, одной рукой придерживая собственную грудь, словно это могло бы мне чем-нибудь помочь, и обнаруживаю, что Ашиин, запутанный в складках воздушной подушки, плачет и как будто молится. Что это за язык? Хинди? Панджаби?

Тут я понимаю, что моя подушка не раскрылась, а у Лео её и в помине, похоже, не было.

– Ашиин! Опустит пандус! – громко требую.

Он слышит меня не сразу, поэтому приходится прокричать эту просьбу ещё дважды, и только на третий раз, такой

громкий, что перекрывающий и вопли других пострадавших, и сигналы машин, и крики «посторониться», преимущественно мужские, и сирены уже приближающихся спасателей, его лицо приобретает человеческое осознанное выражение.

– Пандус, говорю, опусти! Пожалуйста, – ещё раз напоминаю, но уже спокойнее.

– А, да, мэ-э-эм, – только и произносит он.

К счастью, электрика пандуса от удара не пострадала, и уже через несколько минут Лео стоит на дорожном покрытии. Моя нервная система понемногу начинает разжимать тиски, и мне становится свободнее и дышать, и мыслить. Боль в груди всё ещё пронзительна, но явно не смертельна.

Ашиин не умолкает ни на секунду – стресс выходит из него одним нескончаемым неукротимым словесным потоком. Мне кажется, даже он сам не понимает, что в этот момент несёт. У Лео рассечена кожа на голове, где-то под волосами – кровь стекает на лоб и бровь, но никаких других повреждений на нём не видно. Он бледный и губы почти белые: испугался, наверное, думаю.

Я пытаюсь понять, что произошло. Наше такси воткнулось бампером в багажник впереди стоящей машины, а она, в свою очередь, врезалась в ту, что перед ней. В центре катастрофы – дом на колёсах с прицепом, стоящий поперёк перекрёстка. Ни одна из машин не врезалась в него – ничего не помято и не разбито.

– Странно... – говорю вслух. – Что там произошло?

Боль в груди уже очень даже выносимая, поэтому просыпается любопытство. Я направляюсь к фургону, вокруг которого уже собралась толпа водителей и пассажиров – участников аварии или застрявших в образовавшейся пробке автомобилей. Множество голосов и мужских, и женских, на разный лад и на разных языках обращаются к Богу. Слышен плач, причём не одного человека, а многих, и те, кто отделяются от толпы зевак, делают это зажав рот рукой.

Встав на цыпочки за спинами стоящих, я стараюсь разглядеть, что произошло, но те, кто впереди, намного выше меня – не расталкивать же их локтями. Сирены подъезжающих со всех сторон полицейских машин, парамедиков и пожарных глушат пространство перекрёстка своим воем. Уже через минуту первая спасательная бригада бежит к толпе с приказом освободить дорогу. И когда люди расступаются, я вижу зажатую в креплении прицепа девушку. Она лежит лицом вниз. Рядом с ней, едва ли не по локоть в крови, стоят люди, пытавшиеся до этого её вытащить.

– Разойдитесь! Расступитесь! – слышно сразу несколько голосов. – Дайте дорогу!

Руки громадного мужчины в форме парамедика вначале быстро проверяют пульс на шее девушки, затем приподнимают её грудь, пока несколько других человек в масках готовят оборудование для резки металла. Но этот же мужчина, самый крупный и самый широкий из всех, засовывает руку

под её тело и с силой дёргает. Слышен звук разорванной ткани, и через мгновение он поднимает девушку на руки. У неё нет половины лица. Единственный уцелевший глаз закрыт, а сквозь кровавое месиво второй чётко видна бело-розовая кость скулы.

Я хватаюсь обеими руками за спину стоящего впереди парня, но он даже не оборачивается, и чувствую, как подрагивают его плечи от немых всхлипов. Сознание угрожает «моргнуть» во второй раз, я всеми силами стараюсь его удержать, и мне удаётся. Правда, всякий раз, когда я не позволяю ему отключиться, оно отплачивает мне рвотой.

Едва успеваю добежать до обочины дороги, как всё, что съела и выпила в самолёте, оказывается на майской траве газона рядом с тротуаром. Мне не становится легче, и вскоре всё повторяется снова, но в промежутке между приступами, я умудряюсь поднять глаза и увидеть близко – буквально в двух метрах от себя – оленёнка. Меня выворачивает, а я не могу оторвать от него глаз – он выглядит настолько сюрреалистичным, потусторонним на фоне молодой зелени леса, будто в его фисташковых глазах сквозит даже не человеческое, а какое-то сверх сознания.

– Даже если... эта девушка не умрёт... как она теперь будет жить? – спрашиваю его между приступами.

За долю секунды оленёнок совершает единственный прыжок и исчезает в чаще леса. Наверное, испугался моего голоса.

– Вот возьми, – кто-то протягивает мне бутылку воды и пачку салфеток.

На салфетках сказано «Уничтожаем любой запах», а на запястье протягивающей их руки я замечаю часы с уже знакомым тёмно-синим циферблатом.

– Спасибо, – говорю ему.

– Пожалуйста, – отвечает. – Помочь?

– Давай.

Лео откручивает крышку – это специальная «походная» бутылка с клапаном, чтобы пить из неё можно было на ходу – и сливает мне на руки. Пока я тру лицо его специфическими салфетками, он никуда не девается – вместе со своей коляской стоит рядом. Мне так плохо, что даже наплевать. Я чувствую себя старухой-развалиной, у которой не осталось сил, чтобы развернуться и опустить свой зад на бордюр.

Машины скорой помощи подъезжают одна за другой. Теперь их скопилось пять штук – много пострадавших. Внезапно Лео просит:

– Присмотришь за моим рюкзаком?

– Без проблем, – отвечаю с трудом, потому что в моём горле словно кто-то провёл археологические раскопки.

Рюкзак этот просто огромен, в таком можно полжизни уместить. Лео снимает его со спинки своей коляски и кладёт на бордюр.

– В нём все мои документы и... другие важные вещи.

– Окей, – говорю.

Доверить документы и «другие важные вещи» фактически первой встречной? Да это просто беспредел доверия, думаю, глядя ему в спину, пока он катится на своей коляске по направлению к медикам.

Вначале Лео подъезжает к одному, затем к другому, и только третий, вняв его просьбе, на что-то соглашается. Самое вероятное предположение, до которого удаётся дойти моему уму: Лео беспокоится о своей рассечённой голове и просит медиков между делом залепить её пластырем.

– Ну надо же, какая забота о собственном здоровье... – криво усмехаюсь.

Сидя на бордюре, я понемногу прихожу в себя не только физически, но и ментально. Из всех моих мыслей, ощущений и эмоций, выплывает один очень чёткий вопрос: «В первую очередь я кинулась «спасать» не стонущего Ашиина, а молчащего Лео. Почему?»

Минут через двадцать ко мне не то чтобы возвращаются силы, скорее желание попасть, наконец, домой заставляет очнуться и подумать, как это сделать. Я решаю, что сперва надо вернуть Лео его рюкзак. Нахожу его внутри машины скорой помощи, лежащим на кушетке с подключённой к руке капельницей. Кисть свободной руки так жалостливо лежит на его груди, что меня так и прёт поддёрнуть его:

– Профилактика инфекций?

Он ничего не отвечает и, коротко взглянув на меня, переключается на внутренности машины.

– Где я могу оставить твой рюкзак? – спрашиваю.

Он снова смотрит на меня, и на этот раз с удивлением.

– Ты обещала присмотреть за ним, – напоминает.

– Я помню, но мне нужно домой.

Не сразу, но он соглашается.

– Окей.

Лео подтягивается на руках, принимая сидячее положение. Двигается он осторожно и неторопливо, как в замедленной съёмке. И выглядит очень слабым. Он не был таким слабым до этого. Аж пошатывается.

– Давай его сюда, – говорит и кладёт на кушетку ладонь, подсказывая, куда именно водрузить его имущество. Ага, документы и «важные» вещи.

Я хмурюсь, и моя боль в груди вдруг возвращается. Так странно тянет все внутренности, что пальцы не могут разжаться, чтобы выпустить его рюкзак.

– Ты поедешь в больницу? – спрашиваю.

– Нет.

– В таком случае я подожду... пока... твоя процедура закончится.

В подтверждение непоколебимости своих намерений я опускаюсь на металлическую ступеньку машины скорой помощи. Лео смотрит на меня с непониманием, и мне нечем ему помочь – я сама ничего не понимаю.

Кроме того, пожалуй, что и у меня есть «важные вещи». Судя по растущему числу эвакуаторов, разбитое такси Аши-

ина скоро увезут вместе с моим чемоданом. А он мне очень дорог – в нём месяц моего путешествия по Европе – очень ожидаемого, первого и, вполне возможно, последнего.

– Я поищу свой чемодан, – сообщаю Лео своё решение, – и вернусь. Пусть рюкзак пока побудет у тебя.

– Пусть, – соглашается он, искоса наблюдая, как я не без труда кладу его на кушетку.

У Лео так низко опущены плечи, что кажется, даже голову повернуть нет сил.

Ашиин сидит на капоте своей тачки, подперев руками голову, и молчит.

– Ну? Ты цел? – спрашиваю.

– Бог любит Ашиина и заботится о нём. Бедная, бедная девочка...

И, чёрт возьми, в его глазах настоящие слёзы. На меня тоже накатывает... то ли тошнота, то ли рыдания.

– Она живая! – докладывает мне он. – Медики сказали, она без сознания от шока – руку сломала, ногу...

И лицо, мысленно добавляю.

–... но внутренних повреждений нет. Она застряла в прицепном крепеже – хотела спасти оленёнка. Фургон начал двигаться – водителю не было её видно – и протащил до перекрёстка, пока машины не начали сигналить...

– Господи...

– Она потеряла сознание от шока, – снова повторяет он. – Когда придёт в себя в больнице...

Ашиину не хватает душевных сил проговорить «её ждёт новое будущее и новая реальность». Чтобы не потерять почву под ногами из-за собственного шока от вида её лица, всё ещё стоящего перед глазами, мне приходится сосредоточиться на чемодане. Невзирая на то, что корпус весь в трещинах, система выдвижения ручки всё ещё работает и колёса на месте.

– Спасибо, Ашиин, – говорю ему.

– Позвоните в диспетчерскую, компания должна прислать за вами другую машину! – кричит он мне вдогонку.

Над Лео, примерно ста килограммами упакованного в синюю форму веса, нависает молодая женщина и светит фонариком в глаза.

– ... хорошо, что сказал мне. Иначе бы я не поверила, как остальные. Отпускает?

– Да... немного.

– Ничего, скоро придёшь в себя. Тебе нужно в больницу. После удара могут быть и другие травмы. Особенно опасны те, что внутри. Боли в животе есть?

– Нет.

– В груди?

– Нет.

– Только в спине?

– Да.

– Так же или сильнее обычного?

– Так же. Мне не нужно в больницу, это точно. Сейчас...

вернётся девушка, и мы вызовем такси.

– Я уже вернулась, – докладываю.

На этот раз Лео немного поворачивает голову, чтобы найти меня, и выглядит уже не таким полумёртвым.

– Хорошо, – соглашается парамедик.

Такси удаётся заказать только через два часа. Но оно так и не приезжает за нами. Я могла бы уехать сама, попросив кого-нибудь подкинуть до остановки скайтрейна, но Лео... Я не могу его оставить, конечно же. И меня это... бесит.

– Ты не куришь? – спрашиваю его.

– Нет.

– Молодец, – хвалю.

Мои сигареты закончились примерно сутки назад в славном городе Барселона. И если я не выкурю хотя бы одну прямо сейчас, моя нервная система грозит взорваться с силой водородной бомбы. В таком состоянии я опасна для общества, поэтому выискиваю взглядом потенциального курильщика и прошу его помочь моим страданиям. Дважды ошибаюсь, но на третий раз мне везёт. Лео наблюдает за всем этим с неясным выражением лица.

– Куда Вам нужно? – спрашивает меня даритель «спасительной сигареты».

– В даунтаун.

– А точнее?

– Коал Харбор.

– Мне это почти по пути. Хотите подвезу?

– А его коляска, – киваю на Лео, – влезет в твой багажник?

Парень меняется в лице, разочарование быстро маскируется дежурной улыбочкой.

– Не уверен, что влезет. Но мы можем попытаться. Если хотите.

Я смотрю на его лицо: тепло и заинтересованность бесследно исчезли из его голубых глаз.

– Не парься, – говорю. – Мы на автобусе доедем. Ещё раз спасибо за сигарету.

– С удовольствием, – уверяет меня он, – я с удовольствием угощу тебя сигаретой и пинтой пива, если хочешь, как-нибудь вечерком?

– Неа, – мотаю головой.

Минут двадцать мы с Лео тащимся до автобуса. Снова прошёл дождь, и теперь мы не только пострадавшие в ДТП, но и мокрые. Мои силы на исходе, но никотин добавил хотя бы ясности ума. У Лео только американские кредитки, у меня тоже нет мелочи, чтобы купить ему билет. Водитель, выслушав мой короткий рассказ об аварии, соглашается прокатить Лео до скайтрейна бесплатно. Только к половине девятого вечера мы добираемся по адресу.

– Пока, – говорю ему устало.

– Не поднимешься? – спрашивает он.

Глава 3. Обитель

Я лихорадочно подбираю в уме самые правильные слова для вежливого отказа.

– Слушай, Лео...

И тут замечаю до боли, до дряхлого скрипа всех закрытых дверей внутри, знакомую картину: в нише стены этого ультрасовременного небоскрёба, на достаточном удалении от фешенебельного парадного входа с внутренними и внешними декоративными водоёмами, почти полностью скрытый цветущими кустарниками от глаз благополучных людей лежит человек. Если бы не красный батник, я бы его не заметила.

– Я сам ни в чём не уверен... – продолжает за меня Лео. – Точнее, не знаю наверняка, сможем ли мы туда попасть, но в любом случае, должны попытаться... это ключ, – протягивает мне пластиковую карточку.

Господи, думаю, *он же в инвалидной коляске*. Если его квартиры не существует, или же у него возникнут проблемы с необычным ключом или любые другие вопросы, ему будет сложно их решить. Тяжело будет. И он приехал... ко мне.

– Да, я поднимусь. Потом поеду домой. Вызову другое такси.

Как только лифт добирается до девятого этажа и прежде, чем открываются его двери, Лео негромко произносит:

– Прости.

И я сразу уточняю:

– За что?

– За доставленные неудобства.

Боже.

Ключ оказывается вполне подходящим: вначале мы слышим щелчок, затем дверь отходит примерно на сантиметр от проёма. Лео мешкает, а меня любопытство заставляет протянуть руку и толкнуть её вперёд. Встречает нас полумрак очень большого помещения, в дальнем конце которого панорамные окна полностью затянуты римскими шторами. Всё это отражается на полу, как в зеркале.

Лео находит выключатель – над нашими головами загораются шары из стекла и металла, свисающие с высокого потолка на длинных нитях. Всего их семь штук разных размеров: три гигантских, остальные четыре просто большие. При свете под ногами обнаруживается чёрный гранит, отшлифованный до безупречного глянца. Если присмотреться, в нём рассыпана серебряная пыль – млечный путь на ночном небе.

– Вау... – не сдерживаюсь я, и Лео отвечает на эту несдержанность улыбкой, правда, очень вымученной на вид.

Мы проходим холл и упираемся в большой стол, расположенный прямо у стеклянной стены. Вокруг него, словно стражи, расставлены двенадцать массивных стульев. Справа от нас – почти пустая комната, слева просторная кухня и стеклянная лестница, ведущая на второй уровень.

На кухне всё чёрное: и рабочая зона, и островок посередине, и пол, но мрачности нет из-за кремовых дверей шкафов из матового стекла. Из потолка, словно мыльные пузыри, торчат шары, похожие на светильники в холле.

Ни цветов, ни фруктов не видно – здесь никто не живёт, но всё настолько стерильное и сияющее, что страшно прикасаться. Об этом не говорю вслух, хотя до истечения моего «месяца только правды и полной свободы» технически ещё целых шесть часов. Я не поступаю так, как хочу и как считаю нужным. Мне некомфортно. Почему? Потому что своей выходкой в аэропорту Лео начертил для меня персональные границы – теперь я в рамках. Мне неприятно играть по его правилам, но что, в таком случае, я делаю в его квартире?

– Ну вот, – говорю. – Похоже, всё хорошо.

И прежде, чем мой рот успевает сформулировать прощание, Лео выдаёт мне новое задание:

– Наверху должна быть ещё комната... спальня. Можешь, посмотреть?

– Да, – соглашаюсь, не без сомнений, конечно, и подцепляю большим пальцем ноги балетку, чтобы разуться.

– Эм... – говорит Лео, но мысль свою не заканчивает.

На толстом стекле ступеней нет ни малейшего изъяна, ни пылинки, ни потерянной крохи жизни, обитавших тут когда-то людей. Поэтому я ступаю по ним так осторожно, будто по витрине ювелирного магазина. Только в самом конце лестницы мне приходит на ум, что я, вероятно, продолжаю

шокировать «золотого» мальчика Лео. Я не только излишне откровенна в жестах и проявлении эмоций, но и элементарно неотёсана. Я никогда раньше не бывала в таких домах-квартирах, но мне совсем ни к чему так неосторожно это выпячивать. И я решаю, что впредь стану прятать и свой восторг, и неосведомлённость, и вообще, мне лучше помалкивать.

Наверху две комнаты. Одна из них – претенциозная библиотека. Издания образуют цветковые переливы своими корешками. Я такого ещё не встречала, чтобы книги собирались не по принципу содержания, а по цвету обложки. Пришло же кому-то в голову рисовать акварельные разливы книгами! Но в интерьере всё это дело смотрится впечатляюще. Площадь спальни, похоже, превышает площадь всей моей квартиры. Таунхауса, вернее. Вместо кровати квадратное возвышение, на нём матрас, убранный покрывалом цвета кофе. Вообще вся эта полупустая комната – палитра оттенков и полутонов кофе. Только полупрозрачная ткань, акцентирующая единственное во всю стену окно, белого цвета. А за ним – залив Коал Харбор и горы Сеймур и Гроус.

Спускаться вниз страшновато – перил у лестницы нет.

– Комнат две – библиотека и спальня, вполне приличная на вид, – спешу не столько доложить Лео результаты разведки, сколько отвлечь его внимание от моих неуклюжих шагов по пластинам стекла, не понятно на чём держащимся и как прочно скреплённым. Ну и выдумают же всякую хрень!

Нет, ну его квартира, конечно, впечатляет. Не сбивает с

ног красотой и совершенством, но чувство некоего восторга и, как следствие, растерянности, всё же присутствует.

– А терраса есть? – уточняет Лео.

На мгновение я задумываюсь, могла ли её пропустить.

– Нет. Не думаю.

– Тут должна быть терраса.

Мы одновременно озираемся по сторонам, но ничего похожего на выход на террасу или балкон не видно.

– Вон она! – внезапно показывает Лео.

И действительно, через стекло гостиной видна просторная терраса, выход на которую, судя по её расположению, должен быть из комнаты рядом. Не сговариваясь, мы с Лео направляемся в неё.

– Это вторая спальня, – ставит меня в известность Лео.

Комната по размеру чуть меньше верхней спальни, пол полностью закрыт кремовым паласом с длинным пушистым ворсом. Судя по тому, как глубоко проваливаются в него ступни ног, под ковром должен быть тонкий слой поролона. Так же было и в верхней спальне. В этой комнате две стены стеклянные, третья – кремовые глянцевые шкафы и ящики на всю ширину и высоту стены, на четвёртой такой же выступ и над ним прикреплённый к стене телевизор. Комнату зонировует чёрный комплект из двух диванов и нескольких кресел, между ними модный деревянный столик из безупречно отшлифованного пня. Этот пень перевёрнут вверх ногами так, что его ответвления, бывшие когда-то корнями,

образуют лепестки.

– А где кровать? – интересуюсь я.

– Должна была быть.

– Диван скорее всего раскладывается.

– Да, наверное, – соглашается Лео с глубоким вздохом.

– Окей, – начинаю суетиться. – Я рада, что всё в порядке.

Пойду вызову такси.

– Может, останешься?

Я машинально перевожу взгляд с массивной вазы посреди столика на Лео – он смотрит на меня.

– Слушай... – лихорадочно пытаюсь собрать свой мозг в кучу. – Мне кажется, ты не так понял...

– Нет! Я просто подумал, может быть... мы могли бы... поужинать вместе?

У него под глазами круги. Не понимаю, почему я раньше их не заметила. Он краснеет – это даже слишком отчётливо видно на его бледном лице, и моя гордость из возбуждённого состояния переходит в нормальное. И чёрт возьми, что это в его глазах? Не вызов, нет, но желание... удостовериться в чём-то? Ожидание подтверждения горьких и злых предположений? Он будто спрашивает глазами: ты отказываешься, потому что печёшься в двадцать первом веке о девичьем достоинстве, или потому что прикрываешься им? В его взгляде горечь и болезненность, но есть там кое-что ещё... надежда?

Мне требуется время, чтобы сформулировать ответ.

– Лео... я летела двадцать часов, дико устала, если откоро-

венно... Тащиться куда-то ужинать сейчас...

– Можешь отдохнуть наверху, а я закажу доставку еды.

Тут мои мысли принимают новое, совершенно неожиданное направление: успела ли я сообщить в переписке, что у меня никого нет? Что если вдруг какой-нибудь маньяк порежет меня на кусочки в своих фешенебельных апартаментах, ни одна живая душа не хватится моего брэнного тела, потому что даже с работы я уволилась? Ну разве что в хосписе обо мне вспомнят, но вряд ли обратятся в полицию, потому что люди «исчезают» с этой волонтерской работы слишком часто, чтобы кого-нибудь беспокоить по этому поводу.

Лео взбирается взглядом по стеклянной лестнице, и мы оба понимаем, что на второй этаж ему не подняться.

– Ты будешь там в безопасности, – подчёркивает он, словно читая мои мысли.

И теперь уже краснею я.

Глава 4. Предложение

GusGus – Out Of Place

В возрасте девяти-тринадцати лет отец часто называл меня «неуломной», что в моём понимании означало «неудобной», потому что время от времени он мог также добавить любимое своё пророчество «среди людей ты всегда будешь изгоем». Как в воду глядел. Но, похоже, социальная неуклюжесть не только моя пробоина. Вернее, в искусстве отталкивать от себя людей есть экземпляры куда талантливее меня.

Лео только что сделал мне предложение, от которого сложно... не потерять самообладание. И ментальное равновесие. И почву под ногами. Но сложнее всего с зоной, отвечающей за сердечный ритм и романтические ожидания.

Но, обо всём по порядку.

Я согласилась остаться. Безумное, конечно, решение, даже иррациональное, но внутреннее чутьё выдало вердикт: парень не опасен, делай, что он говорит. Причём его голос на этот раз был настолько громким, даже жутковатым, что я решила послушаться. А может, просто мокрая одежда и замёрзшие пальцы на руках и ногах оказались последним, что добило выдержку.

По всему периметру стены у изголовья кровати рассыпаны крохотные светящиеся точки. Они в прямом смысле не только светятся, но и образуют созвездия – если приглядеть-

ся и знать, что искать.

Я выпутываюсь из пледа и нажимаю на одну из кнопок на стене – где-то под кроватью загорается свет. Тусклый и дезориентирующий. Нажимаю ещё одну – подсвечивается ниша у изголовья и вертикальные светильники по бокам. Теперь комната погружена в приятный, тёплый жёлтый свет. Третья кнопка отвечает за светильники в углах комнаты, которые добавляют её освещению максимум яркости. Встав на колени, я исследую шоколадное панно со звёздами – оно сделано из натурального дерева, причём так аккуратно, что стыки между досками невозможно обнаружить ни глазами, ни пальцами. В этом дереве проделаны крохотные отверстия, а в их глубине, должно быть, вмонтированы светодиоды. Я машинально ковыряю одно из них пальцем, пока способность думать не возвращается в мой всё-таки взявший передышку мозг.

Я помню, как входила в эту комнату с твёрдым намерением отогреться в душе и переодеться в сухие футболку и джинсы. Они до сих пор лежат на кресле у туалетного столика, а мокрые футболка и юбка полностью высохли на мне, пока я «прилегла на пару минут отлежаться». Сколько, в итоге, я проспала?

Спустя пять минут поисков телефона, оставленного в ванной на раковине, я выясняю, что в Ванкувере в данный момент четыре часа утра. Массаж лица с особым вниманием вискам и глазницам, помогает осознать и принять эту но-

вость. Поскольку репутация уже нашла свой конец, я решаю всё-таки принять душ и переодеться. Потом сушу волосы, по новой рисую лицо.

К тому моменту, как я спускаюсь вниз, электронные часы на кухне уже показывают 5:30, а небо в огромных окнах из чёрного перекрасилось в сине-розовый. Свет ещё тусклый, но уже достаточный, чтобы не включать искусственное освещение.

Внизу, на детской площадке, видимой сквозь трёхметровое стекло гостиной, в этот ранний час бродит девушка в красном батнике. Вокруг площадки густо посажены кусты рододендронов – решение для тех, у кого нет ванной комнаты. Ближайший общественный туалет – всего в пятнадцати минутах ходьбы отсюда, но проблема в том, что на ночь его всегда закрывают. От таких, как мы.

Быть девушкой и «бомжевать» не просто тяжело и сложно, это опасно. В моей истории случился только один эпизод насилия, другим везёт меньше – Бонни прошла через это пять раз, дважды родила, детей забрали социальные службы. Во время вторых родов возникли проблемы, и Бонни оказалась навсегда прикованной к коляске – по крайней мере, именно такой была её версия инвалидности. Мы познакомились, когда я уже месяц жила на улице, а Бонни только предстояло родить второго ребёнка, и тогда её улыбка, ласковость и мягкость не только в словах, но и во взгляде не просто отогрели меня, а стали самым сильным обезболиваю-

щим. Бонни продолжала любить мир и после того, как лишилась двоих детей и возможности ходить, не смогли убить эту любовь и пять изнасилований. Бонни стала для меня флажштоком на корабле человечности, невзирая на то, что умерла она, как и многие, от передозировки. Но лучше так, чем заживо гнить от метадона, а впереди у неё было только это. Ну, может быть, ещё парочку изнасилований, но не детей – после вторых родов Бонни осталась репродуктивно стерильна.

Заложенное в генах стремление выжить заставило меня соображать лучше, чем обычно. Я быстро поняла, что безопаснее всего ночевать в скоплениях бомжей: если даже кто к тебе и полезет, отобьют другие, но чаще всего метадоновые даже молодые парни в сексе не заинтересованы. Кроме того, те, кто живёт на улице, в большинстве своём «нравственно правильные» личности. Гораздо больше «нравственно неправильных» сыты, хорошо одеты, живут в тёплых домах и не страдают от метадоновых язв на своих руках и ногах.

Лео спит, сидя в своей коляске. Вернее, спал. Длинный стол в столовой буквально завален едой из всех ресторанов быстрого питания, какие ему, очевидно, удалось припомнить.

– Я не знал, какую еду ты любишь.

– Вкусную, – сообщаю ему, разглядывая коробки и бумажные пакеты. Всё запечатано, никаких следов одиночного пиროвания нет.

– Надеюсь, тут найдётся что-нибудь вкусное, – говорит

Лео, потом трёт подушечками ладоней глаза. – Правда, всё уже остыло. Наверное.

– Наверное. А ты не ел, что ли?

– Тебя ждал. Который сейчас час?

– Утро.

Я разогреваю в микроволновке жареные роллы Калифорния и бургеры для Лео. Из всего, что он заказал, мне почти ничего нельзя. Запихиваю один ролл в рот и запускаю поиск в телефоне. Каким должен быть запрос?

«Девушка, которой снесло половину лица» – нет результатов.

«Девушка, которой оторвало половину лица Ванкувер» – нет результатов.

У меня всегда с этим проблемы, моя логика запросов вечно отличается от логики поисковиков.

– Она ещё не пришла в себя, – вдруг говорит Лео, и я вздрагиваю, хотя голос у него тихий. – Вернее, они пока не дают ей прийти в себя.

– Но у них есть план? Что они собираются делать?

– А что они могут сделать?

– Например, пересадить кожу с ягодицы на лицо. Какие-нибудь пластические операции. Они же это умеют! Делают же звёздам лица «Винни-пухов».

– Не всё можно починить, Лея.

– Не всё, но почти всё. Я вот недавно видела в новостях, как одному азиатскому парню пришили кисть руки от умер-

шего человека. Операция, правда, была очень долгая и экспериментальная, но зато теперь парень может пользоваться хотя бы одной рукой. До этого у него не было обеих. Но без руки можно прожить, а как жить без лица?

Лео отвечает молчанием, только губы поджимает. Я стараюсь его не разглядывать.

– Без ног, кстати, тоже можно прожить, – зачем-то говорю.

И выражение его лица меняется: теперь на нём раздражение в чистом виде. Ясно, думаю, обсуждать своё увечье он не любит. Все должны притворяться, что он ничем не отличается от остальных.

– Ну и, как там? Наверху? – вдруг спрашивает.

– Ничего так.

Да уж, думаю, квартира наверняка досталась ему по наследству. Он же что-то рассказывал про нерадивого, но сильно обеспеченного отца. Имея клиентов, владеющих недвижимостью по всему миру, я таким вещам не удивляюсь. Те, кто попроще, сдают её в аренду, но есть и те, кто держит такие дворцы только для себя, чтобы «если вдруг с утра захотелось в Париж, вечером уже гулять по набережной Сены». Это, по всей видимости, как раз такой вариант. Ванкувер многие любят.

– Тебе понравилось?

– Ну... уютненько.

– Есть ещё квартира в Виктории. Но я подумал, это будет слишком далеко от твоего дома, если ты живёшь в Ванкуве-

ре.

Ну ни хрена ж себе. Даже Виктория.

– Я живу в пригороде. И да, до Виктории мне ехать... если вместе с паромом и погрузкой на него... часа три. Я, вообще-то, точно не знаю – ни разу не была в столице. Давно хочу съездить на остров, но всё никак.

– Может, вместе съездим?

Я, честное слово, не знаю, что отвечать. Даже что думать, не знаю. Сильнее всего хочется спросить: а сколько всего у тебя таких квартир и где они находятся? Но, само собой разумеется, даю правильный ответ:

– Может, и съездим.

Лео кивает. Довольный, я это чувствую, хоть и не улыбается. Этот парень, вообще, похоже, понятия не имеет, как это делается.

– А ты чего спать не лёг? – интересуюсь.

– Почему не лёг? Лёг.

– В коляске? – хмурюсь, хоть и стараюсь контролировать свою мимику.

– Кровати в комнате нет.

– Да, точно, – соображаю вслух. – Извини... я блин... только прилегла на пару минут дух перевести и просто отключилась. Чёрт, мне стыдно.

– Почему?

– Ну... заняла единственную кровать.

– Не заняла. Я не взберусь туда, даже если очень захочу.

«Даже если очень захочу» – эти слова, вернее, злость в тоне, с которым они были произнесены, я буду обдумывать не одну ночь и не один день. Но это в будущем.

– На чём же ты будешь спать?

– На полу, – отвечает, не задумываясь. – Закажу матрас по интернету, но пока его привезут, я могу спать на полу.

– Я видела в той комнате диван. Он, скорее всего, раскладывается. Но одному тебе и так тоже можно.

– Нет, – качает головой. – Мне лучше на полу.

Я тщательнее обследую второй этаж – обнаруживаю слои пыли в гардеробной и что-то вроде кладовки, большое ватное одеяло, несколько пледов и четыре подушки – всё стаскиваю вниз и сооружаю для Лео постель на полу комнаты с террасой. Он говорит:

– Спасибо.

– Пожалуйста, – отвечаю, запуская приложение для вызова такси.

Вообще-то, до дома можно было бы доехать и на скайтрейне, и даже быстрее, чем на такси, если честно, но неподъёмный чемодан и слабость из-за смены часовых поясов заставляют пожалеть себя.

Я ощущаю на себе взгляд Лео и нарочно избегаю смотреть в его сторону. Отправляю заявку, жду пока система найдёт для меня машину, получаю ответ, что свободных такси нет – в восемь утра самый час пик – и снова отправляю заявку. За это время воздух вокруг меня накаляется так же сильно, как

и пронзительность взгляда Лео. Он ничего не говорит, только смотрит, но исходящее от него напряжение резонирует в мембранах моих клеток, и я снова испытываю это странное, тянущее в груди чувство, словно бы кто-то привязал леску к моим внутренностям сразу в нескольких местах. Это уже было! Тогда, после аварии, возле машины скорой помощи, когда я спешила вручить Лео его рюкзак и слинять.

– Останься! – внезапно слышу тихое.

Это невероятно. У него совсем нет свободных слов! Таких, которые при случае способны собираться в формы вежливости или словесной суеты, умеющей сглаживать, стачивать углы. Я не выдерживаю, отрываюсь от маленького экрана – коннектора, проводника, иногда властителя судеб. Это должно быть что-то в разрезе или форме его глаз... может быть в их цвете? Что-то легонько тянущее за пластиковые нити.

– Мне надо домой, – говорю так мягко, как никогда. – У меня просто адский ворох дел, первое из которых – работа.

– Работа? – повторяет он, будто впервые слышит такое слово.

– Да, Лео, работа. Место, где я смогу обменять своё время на деньги, необходимые для оплаты моргиджа, еды и бензина для моей машины.

Он смотрит в упор, немного приоткрыв рот, и совершает короткие вдохи, словно собирается что-то сказать, но то ли не может найти слов, то ли просто не решается.

– Хорошо хоть у меня лизинга на машину нет – покупала подержанную у дилера, – зачем-то ему сообщаю. Наверное, чтобы заполнить информацией тишину и связанную с ней неловкость.

Я никогда ещё не видела настолько красивых лиц. Ни у мужчин, ни у женщин, ну... разве что на фото в журналах или в сети, и то, все они были бездушными, будто камера или же профессия вытянула из них жизнь, и они стали целлофановыми. Лицо Лео необыкновенное. Если на нём удивление, то очень яркое удивление, если смущение, то целое море его, если улыбка, то словно вспышка на Солнце. Хоть я и видела всего одну.

Я возвращаюсь к приложению для заказа такси.

– Мне нужно, чтобы кто-то был со мной... всё время. Я могу за это платить.

Платить? Мои пальцы замирают над экраном. Слова и строчки перед глазами становятся мёртвыми.

– Хорошо платить? – уточняю.

– Я не знаю... Двадцать... тридцать... сорок. Я просто не знаю, сколько. Ты скажи.

– Семьдесят пять, – столько я получала на прежней работе.

Мой язык настолько сухой, что прилипает к нёбу. А может, просто онемел.

– Хорошо, семьдесят пять.

– Но для моей квалификации и опыта это далеко не пото-

лок. Я рассчитывала найти что-нибудь за девяносто пять.

– Не вопрос, девяносто пять, – подхватывает, едва я успеваю договорить.

О Боже... Боже...

Он воспринимает мой яд за чистую монету, поскольку то, что для меня крах надежд и очередной подзатыльник судьбы, для него всего лишь деловой разговор.

Я отворачиваюсь, чтобы он не увидел моё перекошенное лицо. Или глаза на мокром месте, не дай Бог. Лео со всей серьёзностью хватает планшет, копается в нём. Мне не видно его лица из-за чёлки.

– Наверное, так не получится, – заявляет. – Мне придётся съездить в банк. Ближайшее отделение не так далеко, сейчас вызову такси.

Я молчу, потому что не знаю, как комментировать то, чего не понимаю. А не понимаю я, как это произошло. В какой момент мы слетели с рельс и заехали в эту канаву?

Через пятнадцать минут приезжает его такси. Его такси, потому что для меня приложение до сих пор не нашло свободной машины. Ещё минут через десять я получаю от него сообщение в Инстаграм:

WTF_LEO: Прости, я забыл спросить реквизиты счёта.

Я не отвечаю. Иду в душ. Сперва холодный, потом горячий. Через два часа посылаю ему номер счёта. Через пятнадцать минут мой банк уведомляет о поступлении суммы в девяносто пять тысяч долларов. За все эти два часа Лео не

прислал мне ни единого сообщения.

В течение нескольких лет после этого события я буду практически каждый день себя спрашивать, как так вышло, что я согласилась? Этот поступок перечёркивал и мой характер, и принципы, и мечты, и чаяния, не говоря уже о том, что он катком прошёлся по чувству собственного достоинства и самоуважения, но я, тем не менее, почему-то это сделала. Как в трансе, как в затмении. Ответа у меня не будет долго, а когда он найдётся, я начну верить в вещи, которые у разумных людей числятся в списках потустороннего.

Лео возвращается уставшим. Даже осунувшимся – под глазами опять синяки, наверное, боль, которую ему вчера снимал парамедик, усилилась. Но мне его не жаль.

– Это за какой промежуток времени? – спрашиваю.

– Не знаю. Ты скажи.

И не смотрит в глаза, ищет свой рюкзак – значит, не взял с собой таблетки. Как мог? О чём думает, вообще? Живёт импульсами?

– Это мой годовой заработок. Ты купил год моей жизни с девяти до шести по будням.

– Сколько нужно, чтобы ты не уходила ночью?

У меня даже в ушах начинает звенеть от такого вопроса. Я отворачиваюсь, стараюсь моргать быстро. Прижимаю руку к горлу – пытаюсь хоть так себе помочь. Как только способность говорить возвращается, отвечаю:

– Этого хватит.

– Хорошо. Если что-нибудь ещё будет нужно, скажи, – закрывает за собой дверь в спальню.

Я остолбенело смотрю на закрытую дверь и из всех важных вещей, о которых стоило бы поразмыслить в эту секунду, думаю о том, что чудак нанял меня на работу, но при этом ни разу не попросил номер моего телефона.

Глава 5. Саванна

HÆLOS – Full Performance (Live on KEXP)

Мой терапевт считает, что каждый человек в первую очередь должен заботиться о своём психологическом комфорте. С её точки зрения, мы не обязаны нести на своих плечах груз чужих поступков и ошибок. Она даже настаивала на том, что человеку с моей историей событий в детстве и отрочестве, работа в хосписе (даже волонтерская) категорически противопоказана. Правда, ей пока не удалось убедить в этом меня.

Я хочу поступить грамотно, как взрослый человек, не принимающий спонтанных решений и не позволяющий обидам решать свою судьбу. Именно поэтому упираю локти в столешницу и размышляю, вдавив ладони в глазницы так, чтобы проявляющиеся яркие световые пятна отвлекали от одних односторонних мыслей на другие.

Я не знаю, это нормально, вообще, во всем винить женщину? Потому что моей самой первой и непрошенной версией была Карла. Кто она ему?

Вначале я уговариваю себя, что меня переключило, а потом заставляю в это поверить. Причин может быть масса, и самая первая из них – мы встретились впервые, физически познакомились. Ну что такое виртуальное знакомство? Это же как игра с неограниченными возможностями импровизации.

Он не отвернулся, но насколько я теперь могу упомнить, всё-таки дёрнулся в каком-то таком порыве. Как будто хотел отстраниться, но подавил в себе это. Я сразу почувствовала. Не оторвалась от него только потому, что это было бы ещё глупее, чем сам мой спонтанный и навязчивый поцелуй.

Я решаю взять сутки на размышления и поехать домой – в любом случае нужно отвезти чемодан, проверить почту, привести себя в порядок, взять машину, перевести дух в стенах своей крепости, в конце концов.

Его лицо в одном из последних кадров моей памяти – бледное, осунувшееся, со впалыми от усталости глазами – не позволяет мне открыть дверь в его комнату – спальню без кровати, но с террасой, которую он так усердно искал. Я раздумываю минут пять перед дверью о том, как и что скажу, в какой позе и за каким занятием могу его застать. Теперь, когда эмоции немного улеглись, я в состоянии понять, насколько жестокими были два часа моих раздумий по отношению к нему. Лео, скорее всего, забыл принять утром болеутоляющее. Забыл, потому что происходящее, похоже, и для него «за гранью».

Я оставляю ему записку на столе:

Лео, я уехала домой по делам. Вернусь завтра утром. Поговорим обо всём ещё раз.

Лея

Девушка в нише плачет. Закрыв лицо обеими руками, тихо и никого не беспокоя. Я бросаю свой чемодан у входа,

но так, чтобы оставался в поле зрения, сама пробираюсь к ней сквозь кусты и журчащий декоративный ручей. Между прочим, хорошее место: я бы тоже выбрала его из всех дыр, какие можно найти в даунтауне. А главное, район здесь приличный – относительно безопасно. Правда, охрана может выгнать – но это больше субъективный фактор – чаще попадают те, кто не гонит. Ванкуверцы, вообще-то, добрые.

– Эй! Привет!

Девушка убирает руки от лица. Она не торопится отвечать, но и не выглядит враждебно.

– Тебя как зовут?

– Саванна.

– Я Лея. Давно ты тут?

– Девять дней, – вытирает нос.

– Девять дней! Да ты новобранец!

В её глазах теперь не только усталость, но и подозрения.

– Ладно. Шучу я. Девять дней на улице – вообще не срок.

Тебе лет-то сколько?

– Двадцать.

– Учишься ещё?

– Да. В Дуглас Колледже.

– Что изучаешь?

– Бухгалтерию.

– О! Коллега, значит.

И вот теперь она поднимает на меня глаза, а в них проклёвывается интерес.

– Что случилось-то? – пользуюсь оттепелью.

– А, долгая история, – отмахивается.

– Трагедий никаких не произошло?

– Нет.

– Ну, это главное. А остальное – ерунда. Всё можно поправить.

– Отец пропал. И денег не положил на счёт раз в месяц, как обычно.

– Ты ему звонила?

– Конечно, раз сто. Отключён телефон.

– Может, случилось что? Попал в аварию, например.

– Может. Но вообще, вся эта затея с учёбой в Канаде бабушкина была – она всё верила, что я найду здесь свою судьбу. У неё роман был в молодости, вернее, в зрелости с канадским командировочным или что-то в этом духе. Он, конечно, вернулся к жене и детям, но бабка моя остаток жизни о нём так и бредила. Канада была её мечтой, не моей. Пока была жива, следила, чтоб отец деньги давал на эту авантюру, но этой зимой она умерла. А жена отца всегда была против неразумных трат. Последние переводы уже с опозданием приходили или сумма неполная. И хотя диплом будет только в июне, занятия закончились в начале мая – думаю, отключённый телефон с этим связан. Отцовская жена верит, что канадских студентов с порога расхватывают работодатели.

– Почему бы тебе не съездить к отцу и всё наверняка выяснить?

– В Словакию? У меня денег на квартиру нет, откуда возьмутся на билет?

– Мда. Ситуация.

У неё акцент. Не очень сильный, но всё же приличный.

– Ты сама тоже из Словакии? Здесь по студенческой визе живёшь?

– Да, но как найду работу, смогу подать на получение вида на жительство. Я с марта ищу, но пока без толку.

– Была бы шея, а ярмо найдётся. Слушай. Меня тут ангажировали поработать сиделкой у одного парня, и по условиям контракта мне придётся по будням ночевать с ним. Живу я одна, так что квартира моя пять дней из семи будет пустовать. Если хочешь, можешь пожить пока не сообразишь, что делать дальше.

– Ты серьёзно?

– А похоже, что я веселюсь?

Саванна долго разглядывает содержимое моих многочисленных шкафов и полок в гостиной – да, у меня много всего – гораздо больше, чем нужно, объективно – последствия увлечения магазинами старья. Началось это ещё в то дикое время, когда я впервые сняла квартиру – мне нужно было купить много мебели и домашней утвари, а денег, разумеется, катастрофически не хватало. Прожив два года на улице и питаясь, когда, как и чем придётся, иногда в прямом смысле с мусорки – мы знали места – например, контейнеры с просроченными продуктами около магазинов – сэконд-

хэнд тебя уже не смущает. Но необходимость превратилась в увлечение в тот день, когда я впервые наткнулась на книгу – точно такую же, как была у меня в детстве, строчки из которой читал для меня голос, которого теперь почти не осталось в памяти. Потом были игрушки «как в детстве», чашки и тарелки, ложки, покрывала и так далее. Я восстанавливала свою жизнь по крупицам чужими вещами, но точно такими же, какие окружали меня когда-то, когда был и дом, и семья, и любовь. Ассоциативный ряд. Эти вещи с почти невыветриваемым запахом курева, кухни и человеческого тела, приносили мне комфорт. И умиротворение. Во время переезда в собственный дом – таун-хаус, точнее – большая часть старья была отправлена на помойку, но много чего осталось, прошло обработку от запаха и потенциальных насекомых и теперь красуется на моих полках в виде игрушек, статуэток, книг. Иллюзия сохранённой истории, в которой нет ни единой фотографии.

– А где фотографии? – спрашивает Саванна, понятия не имея на какую мозоль наступает.

– У меня их нет, – прямо отвечаю.

– Даже детских?

– В первую очередь детских.

И как выяснилось недавно, и во взрослом возрасте я не люблю себя снимать. Надо будет поднять этот вопрос у моего терапевта. Интересно, какое объяснение она придумает на этот раз.

– Я два года прожила на улице. За это время даже то, что сохранилось из дома, было утеряно безвозвратно. Как видишь, я неплохо справилась, хотя лет мне было меньше, чем тебе – шестнадцать.

Самый чудесный возраст: уже не ребёнок, но ещё не взрослый.

– О Боже...

Я жду, пока она спросит, как всё случилось, и она, конечно, спрашивает:

– Как ты оказалась на улице? Почему?

Отвечаю:

– Будешь смеяться, но меня бросил отец. Забрал сестру и пропал. Ровно в мой шестнадцатый День Рождения. Поэтому, как ты можешь догадаться – делаю паузу, чтобы набрать воды в чайник, – я теперь, в некотором роде, терпеть не могу Дни Рождения. Все, не только свой.

– А мать?

– Она умерла от рака, когда мне было десять. Твоя?

– Мне было четыре.

– Саванна, ты можешь занять спальню, которая поменьше, наверху. Там нет полноценной кровати, но у меня есть надувной матрас – пока поспишь на нём, а позже что-нибудь придумаем.

– Да! Конечно.

– Если не хочешь на надувном матрасе, диван в гостиной в твоём распоряжении.

– Матрас – это супер.

– Ну и отлично. Туалетов два – внизу и вверху, а ванная только наверху. Сейчас я найду для тебя полотенца и постельное бельё. Можешь принять душ первой, а я подожду.

– Нет-нет! Ты первая. А я пока что-нибудь приготовлю поесть. Я хорошо готовлю!

– Да? – настроение у меня повышается.

– Да! Могу даже торты печь – проходила специальные курсы. А тебе чего бы хотелось?

Я сосредоточенно почёсываю бровь, вспоминая, какие продукты у меня остались в холодильнике.

– Ты умеешь делать чизкейк?

– Конечно! Какой-ты любишь?

– Самый вкусный.

– Самый вкусный – Нью-Йоркский. Но для него нужна свежая Филадельфия, пачка печенья, густые сливки и масло. У тебя есть?

– Сейчас схожу в магазин и всё будет. Но есть просьба.

– Какая?

– Ты должна научить меня.

– С удовольствием! – и это впервые, когда я вижу её улыбку.

Глава 6. Интуиция

Ближе к вечеру мои внутренние весы перевешивает идея, что работа сиделки не по мне. Это решение оказывает на мою нервную систему такое успокаивающее воздействие, что я засыпаю, как убитая, в семь вечера и сплю до самого утра, невзирая на перевёрнутый часовой пояс.

В ту ночь мне снится моя сестра Меган и мальчик, с которым мы дружили в детстве. Я часто вижу сны, но редко в них бывают люди, а если и есть – это всегда Меган и Алехандро. Всё происходит в месте, которое я никогда не встречала в жизни, но аллеи и деревья прорисованы моим подсознанием так детально и по-настоящему, что даже жутко. Мы ссоримся. Я, как это часто случалось в реальности, пропустила нечто важное (или же его намеренно от меня скрыли), поэтому никак не могу сообразить, что к чему. Внезапно Меган визжит, и я вижу змею. Буквально доли секунды она ползёт на нас, и Меган прячется за мою спину. Змея маленькая, поэтому Алехандро ловко и легко раздавливает её голову своей кроссовкой. Но облегчения и покоя это не приносит, потому что внутри есть чувство, незыблемое знание, что змей будет больше. Их ещё не видно, но они уже очень скоро появятся, и Алехандро никогда и ни за что с ними не справится. Самая большая для меня дилемма в этом моменте – должна ли я защищать Меган или всё-таки себя?

Просыпаюсь в пять, принимаю душ, и когда спускаюсь на кухню, меня уже ждёт завтрак – Саванна, оказывается, тоже на ногах.

– Ты чего так рано? – спрашиваю её.

– Привыкла, – пожимает плечами. – А ты?

– А я месяц прожила на другом конце планеты и теперь нужно по новой перестраиваться на день и ночь.

Завтракаем мы молча. Саванна изучает объявления о работе на моём ноутбуке, я просматриваю накопленную за месяц почту, одновременно размышляя, как лучше: вначале перекинуть обратно его девяносто пять тысяч, или сперва поговорить?

– Не торопись, – предлагаю Саванне. – Я чуть позже посмотрю твоё резюме, сопроводительное письмо и рекомендации. Может, их нужно подправить.

Саванна несколько секунд молчит, потом спрашивает:

– Слушай, а ты... не мой ангел хранитель? Случайно?

Среди писем важных только два: великодушное предложение банка повысить лимит на кредитке в связи с моим примерным финансовым поведением и письмо из клиники от ассистента моего семейного врача. Перед отъездом в Европу у меня брали анализы – теперь нужно сходить к врачу, узнать, какие там результаты, и обсудить мои дальнейшие медицинские планы. Я звоню и записываюсь на следующий понедельник.

Моё решение – вначале вернуть ему деньги. Потом пого-

ворить. Перебирая в уме возможные повороты этого разговора, я проезжаю мимо отделения своего банка, но расстраиваюсь не сильно: район даунтауна, в котором живёт Лео, я хорошо знаю – там тоже есть офис RBC. Одно плохо – парковка там везде платная, а я не привыкла тратиться на такие вещи.

Очередь в банк на Кордова стрит выползла своим хвостом аж на крыльцо отделения. Мой ужас при виде количества собравшихся здесь людей никак не помогает ситуации, а только усложняет состояние боевого духа. Простояв минут двадцать и не сдвинувшись с места, я замечаю, что от нервов у меня начали не только липнуть, но и немного трястись руки. Внутренности буквально наизнанку выворачивает непонятно откуда взявшаяся тревога. Я говорю себе, что переживаю из-за парковки, которую оплатила только на тридцать минут, но на самом деле знаю, что это из-за предстоящего разговора с Лео. Словно я ему чем-то обязана, честное слово! Хочу работать сиделкой, не хочу не работаю! Откуда это гадкое чувство, словно я его предаю? Да кто он, вообще, мне? Без году неделю знакомы, а уже такая привязанность!

В следующие десять минут мне всё же удаётся войти в офис и обнаружить, что клиентов обслуживает только один клерк. Второй, хоть и присутствует номинально, но так медленно и монотонно объясняет пожилой даме последствия утери дебетной карты, что его смело можно списывать со счетов. Когда он ей объявляет, что «сейчас они займутся

сменной паролем», я разворачиваюсь и выхожу. В конце концов, деньги можно перекинуть и позже.

У парадного входа я нажимаю номер его квартиры на панели домофона. Никто не отвечает. Пробую ещё раз, но снова ответа нет.

– Он мог выйти погулять, – говорю себе вслух, как будто голос может сделать этот исход более вероятным.

Руки у меня продолжают трястись, а вместе с ними и внутренности. Меня преследует чувство, будто я сделала нечто очень плохое. Вернее, не захотела ничего сделать, и плохое случилось само по себе, из-за меня события сложились таким образом, что оно стало возможным.

Господи, думаю, ну почему я не предложила сама обменяться номерами телефонов? Вспомнив про Инстаграм, пишу ему сообщение:

@Betelgeuse: Лео, открой дверь. Это Лея.

Я смотрю на часы – почти двенадцать дня.

– Мы ни о чём не договаривались. Так ведь? Так, – снова убалтываю себя вслух, чтобы не слышать собственный внутренний голос, настаивающий на том, что рабочий день начинается в девять, а если речь о сиделке, то, скорее всего, ещё раньше. – Господи! Ну хоть бы вышел кто-нибудь из этого долбанного здания!

По закону подлости за десять минут ни одного входящего или выходящего. Ещё минут через пять к двери приближается азиатка с собачкой, и я, не думая ни о приличиях, ни

о её возможных опасениях, буквально сбиваю её с ног, протискиваясь мимо.

Путь на девятый этаж мне кажется вечностью. Разве не должны в таких высотках быть скоростные лифты? Пока еду, рисую в воображении щель между дверью и её коробом – может, он оставил дверь для меня открытой? Ключ под ковриком? Там не было коврика. Может, карточка приклеена скотчем около устройства фэнси замка? А вдруг он не нашёл мою записку?

Дверь закрыта, ключ не приклеен скотчем, и коврика для ног со вчера тоже не появилось. Я стучу так громко, что выходит сосед – мужчина весом и размером с три штуки меня, круто стриженной бородой и рукавами футболки, обтягивающими его бицепсы, как сосиски.

– Вы кого-то разыскиваете? – спрашивает.

– А... Да! Вы не могли бы... я не знаю... помочь? Не приложу ума, что делать. Тут живёт мой знакомый, и у него проблемы со здоровьем. Я опасаясь, что ему стало плохо. Нет ли в этом доме какого-нибудь консьержа, у которого есть ключи от всех дверей, на случай там... пожара, утечки газа... воды?

– В этом доме нет газа, – строго отрубает, и у меня опускаются плечи. – А консьерж есть.

Парень звонит кому-то по телефону и минут через семь из лифта выходит дед в костюме.

– Извините, но мы не имеем права входить в квартиры без разрешения владельцев.

– Там человек, и ему плохо!

– Почему, милая леди, вы решили, что ему плохо?

– Потому что он не берёт трубку! – вру. – Уже час, как!

И не отвечает в Инстаграм!

– Инстаграм –это серьёзно, – с улыбкой замечает парень с накаченными руками – Гэйл, так он представился, пока к нам добирался дед.

– Кто вы? – спрашивает меня консьерж, глядя с недоверием.

– Родственница. Откройте дверь, мы войдём и, если всё в порядке и в квартире никого нет, просто закроем её и уйдём. А вечером все трое со спокойной совестью ляжем спать!

Когда дед, скрипя сомнениями, вскрывает дверь, и я вижу чёрный глянцевый, как зеркало, пол холла, нечто внутри меня громко, до звона в ушах оглушающе орёт, что эта квартира не пустая, и нет никакого порядка не только в ней, но и во всём нашем мироздании. Кажется, это «нечто» называется Интуиция.

Глава 7. Первый приступ

Michael Kiwanuka – Solid Ground

Его тело лежит посреди холла навзничь. Первая же мысль бьёт наотмашь. Уже стоя на коленях рядом с ним, я понимаю, что он дышит. Неглубоко, но часто и аритмично. Это дыхание земного страдальца, сражающегося за жизнь. Так дышала моя мама, так дышат в свои последние минуты мои подопечные в хосписе.

– Лео! Лео?! Лео, что с тобой?

Его лоб в испарине, несколько прядей чёлки прилипли к нему и к щекам. Я пытаюсь поймать его взгляд, но он какой-то плавающий, оторванный от реальности, хоть и не до конца. Он как бы на несколько мгновений здесь, в этой комнате, а в следующий миг его уже нет.

– Лео? Как тебе помочь? – буквально ору около его уха, но он не отвечает.

На его висках дорожки – подсохшие соляные следы. Как давно он тут?

Гейл набирает 911 и передаёт мне трубку, я описываю ситуацию, как могу. Ожидание мучительно. Сосед вскоре уходит, сославшись на собаку в квартире без присмотра (а он ей нужен?), деда-консьержа уже давно нет. В какой-то момент некто внутри меня начинает уговаривать просто бежать. «Тебя ничто здесь не держит, медики в пути, тебе не

нужны эти проблемы – своих невпроворот». Этот же некто регулярно проводит со мной беседы по пути в хоспис и обратно, в самом хосписе он молчит, потому что мне некогда с ним разговаривать. Так что, игнорировать его уже вошло у меня в привычку.

Парамедики приезжают через одиннадцать минут. Молодая женщина в форме, более похожей на полицейскую, осматривает Лео, светит ему в глаза, затем делает несколько инъекций. У неё на бейджике написано Люсинда.

Её помощник по имени Саймон допрашивает меня на кухне, и я повторяю всё то небольшое, что уже сообщила, пока звонила в скорую.

– Что с ним? – спрашиваю у них.

– Похоже на болевой шок, – отвечает мне Саймон.

Через некоторое время Лео оживает, вернее, становится немного более живым, чем был до этого, и ему тоже начинают задавать вопросы.

У него боли в спине, иногда сильные. Но не так часто. Он всегда носит с собой обезболивающее, просто на этот раз не смог до него вовремя добраться – приступ был внезапным. У него спрашивают, какие именно лекарства ему назначены, и он отвечает:

– Инъекции и печенье с коноплёй.

– Таблетки?

– Адвил.

– Как вы его принимаете?

– Дважды в день, ежедневно.

– Как давно?

Лео набирает в грудь воздуха, словно собираясь что-то сказать, но так ничего и не говорит.

– Пациентам с травмами позвоночника показана длительная реабилитация. В первую очередь она направлена на снятие болевого синдрома и лишь во вторую – на восстановление двигательных функций.

– Да, я знаю, – наконец, отвечает Лео.

Я нахожу его коляску в ванной, и когда возвращаюсь, парамедик спрашивает о страховке. Лео протягивает им карточку, поясняя, что у него только американская. Его предупреждают, что за вызов скорой придётся заплатить, поскольку его текущая страховка не покрывает медицинские услуги за пределами США.

– Вам нужно купить Канадскую страховку, если планируете здесь оставаться надолго.

– Я понял, – тихо обещает Лео и коротко смотрит на меня.

Ассистент помогает ему подняться и сесть в коляску. Я отворачиваюсь, и когда Лео уже занимает знакомую мне позу, протягиваю ему телефон.

– Спасибо, – говорит он.

Я провожаю Люсинду и Саймона к выходу. У самой двери Люсинда останавливается, поворачивается ко мне и говорит:

– Без обследования диагноза не ставят, но на первый взгляд у него далеко не худший вариант – мышцы не атро-

фированы полностью. Процесс только начался.

Она смотрит в глаза, и мне от этого взгляда физически больно.

– Если у вас есть средства, – и тут она неосознанно поднимает глаза на шары под потолком, – ему можно здорово помочь. Я недавно читала статью в медицинском журнале о том, что сейчас ставят на ноги даже пациентов с полным повреждением спинного мозга. А у него явно неполное. Что-то связанное с вживлением чипа, который посылает электрические импульсы в сохранившиеся нервные связи. Изобрели это для снятия боли, но оказалось, что спинной мозг способен обучаться. Обречённые паралитики заново учатся не только стоять, но и ходить.

– Знаете, – говорю ей, – я тут человек посторонний и случайный. Просто скорую вызвала.

– А, – отвечает. – Понятно. Извините.

Я захлопываю за ней дверь, оборачиваюсь и вижу силуэт Лео в коляске, а за его спиной – ослепительно яркий, отражённый от поверхности залива солнечный свет. Он не смотрит на меня. И в этот момент я снова ощущаю эту тупую боль в груди, только теперь леска не только тянет мои внутренности, но и впивается в них. И в местах порезов я кровоточу.

– Так. Ладно. Хорошо. Какие у меня обязанности?

– Никаких.

– Никаких? Совсем?

– Просто будь... здесь.

Думаю, уже закрывая дверь за медработником, где-то глубоко внутри я знала, чем буду занята в ближайшие годы. Также допускаю мысль, что Лео, покупая билет на самолёт до Ванкувера и ожидая меня несколько часов в аэропорту, где-то на том же подсознательном уровне знал, почему и за чем это делает.

Глава 8. Начало

The Big Moon – Your Light

Я завариваю кофе: на высокий металлический стакан-термос устанавливаю стеклянный конус, распрямляю в нем бумажный фильтр и высыпаю внутрь ложку молотого кофе. Лео заинтересованно наблюдает. Поймав мой взгляд, спрашивает:

– Что это?

– Фильтр для кофе.

– Впервые такое вижу, – сообщает.

– Весь офисный Ванкувер сейчас именно так и заваривает. Это простейшее изобретение из стекла стоит аж тридцать баксов, а купить его можно только в одной сети кофеен. Но все в теме.

– Это дорого?

– А ты как думаешь? Если в Доллараме равноценное изделие из стекла потянет максимум на два бакса?

И я вижу по его лицу, что с таким явлением, как Доллараме, Лео в принципе не знаком.

– На коробке было написано «произведено в Японии», наверное, поэтому так дорого. Как бы там ни было, это самый вкусный вариант заваривания из всех его видов, подвидов и разновидностей.

От его лица сложно оторваться. Даже странно, как приро-

де удалось создать настолько безупречные, но при этом особенные, с ярко выраженной индивидуальностью черты. Самое гипнотическое на этом лице – не тонкий нос и не губы, не скулы и не линия подбородка. Глаза. Когда он смотрит на тебя, мир вокруг начинает расплываться разводами.

Взгляд его острый, пронзительный, часто полный недоверия и подозрительности, но, скорее всего, его хозяин не имеет даже отдалённого представления о том, насколько он соблазнительный. Ведь даже при сложившемся положении дел – парень, по сути, инвалид, колясочник – в выражении его глаз нет и следа подавленности, отчаяния или уныния. Лео – объект непознанный, трудно читаемый, а главное – неприступный.

Сейчас, спустя почти сутки после приступа, он выглядит дорогой моделью, оказавшейся в инвалидном кресле вследствие извращённого воображения сценариста. А вчера, замученный то ли болью, то ли действием болеутоляющих, он едва мог держаться прямо в своей коляске. Я предложила помочь ему прилечь, он, конечно, отказался, но попросил принести воды. Пока я набирала её в фильтр и ждала, Лео переместил себя из коляски на сложенные мною же на полу одеяла. Всё это было приемлемым только в теории, а на деле сжимает сердце так, что из него начинает сочиться сострадание. Воду он почти не пил, и я поняла, что она была только поводом отвести мои глаза от процедуры перемещения его тела из коляски на пол.

– Выпей ещё, – прошу его. – Чтобы избежать обезвоживания.

Он слушается и делает несколько глотков, но главное – не просит меня уйти. И я остаюсь. А он закрывает глаза и очень скоро его дыхание становится размеренным. Я всего лишь пытаюсь укрыть его пледом, как вдруг он вялыми, дезориентированными во сне движениями нащупывает мою руку, и я чётко ощущаю, как дрожат от слабости его пальцы. Он сжимает мою ладонь – легонько, но основательно – и не выпускает, потом прижимает к своему животу.

Версий моих догадок и самоуничижительных предположений о том, в какой момент я всё испортила – ведь начиналось всё так хорошо, да почти сказочно – превеликое множество, но весь парадокс и комизм ситуации в том, что я до сих пор не имею ни малейшего понятия, какая из них верна. Что произошло? Как же так случилось, что романтическое между нами вмиг испарилось? Где, на каком повороте мы свернули не туда?

Его смартфон настроен таким образом, что все личные сообщения всплывают на экране до их прочтения. Интересно, что и мой девайс работает так же – вероятно, этой функцией пользуются все одинокие люди и те, кому совершенно нечего скрывать от своих вторых половин. Так вот вчера, сидя рядом с ним на полу и позволяя его ладони прижиматься к своей, я увидела, как уверенно и привычно его экран загорелся сообщением:

*@Carla: Лео, ответь! Потому что я уже начинаю дёр-
гаться. Всё хорошо?*

– Я хочу извиниться за вчерашнее, – внезапно и так неожиданно сообщает мне Лео, что я аж вздрагиваю. – Такое больше не повторится.

Я не сразу соображаю, что он имеет в виду – в моих мыслях Карла. А в его, похоже – деликатные моменты его приступов.

– Тебе не нужно просить за это прощения. Тем более обещать, что этого больше не случится.

– Я знаю, как это выглядит... со стороны. Это отвратительно и может пугать.

Да, я испугалась. А с отвращением всё куда как проще.

– Лео, не знаю, говорила я тебе или нет, но в хосписе не работают те, кого беспокоит отвращение.

– Я думал, – он смотрит на меня расширенными глазами, – ты работаешь в больнице...

– Хоспис и есть больница. Просто в ней никогда не выздоравливают.

До меня не сразу доходит истинный смысл его реплики про больницу. Но она где-то сидит во мне занозой, и вылезает вечером, когда я принимаю душ. Самые дельные мысли меня почему-то всегда посещают именно в процессе омовения. Он сказал: «Я думал, ты работаешь в больнице». Так может, это и есть причина, по которой он предложил мне должность своей сиделки?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.